

A handmade rag doll with a colorful, frayed head and a blue knitted body, lying on a wet surface with autumn leaves.

АРТЕМЬЕВ ЕВГЕНИЙ

ВОЛК ТРЯПОШНЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Артемьев

Волк Тряпошный

«Автор»

2026

Артемьев Е.

Волк Тряпошный / Е. Артемьев — «Автор», 2026

Лето 2002 года. Провинциальный город на Волге. Им по восемнадцать, и впереди целая жизнь: поступление в институт, первая взрослая зарплата, съёмная квартира. Сергей и Юля влюбляются друг в друга так, как умеют только в юности — навсегда и без оглядки. Но однажды вечером Юля уезжает домой и больше не возвращается. Спустя двадцать лет Сергей — успешный московский хирург. У него есть всё, что принято считать состоявшейся жизнью, но внутри зияет пустота, которую не могут заполнить ни операции, ни время. И тогда к нему начинает приходить она. Сначала во снах. А потом и наяву. Вместе с ней в его жизнь возвращается маленькая самодельная игрушка — волк в синем пиджачке. Тот самый, который много лет назад утонул в Волге. Это пронзительная история о первой любви, которая не заканчивается даже после смерти. О провинциальной России начала двухтысячных, о дружбе, о том, как человек живет с непоправимой утратой, и о том, что иногда прошлое не отпускает нас, пока мы сами не готовы его отпустить.

© Артемьев Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Волк Тряпошный

Глава 1

Солнце палило без пощады. Сергей стоял в тени клёна неподалёку от выцветшей синей остановки и ждал Ивана, который, как обычно, опаздывал.

Ванька — весёлый раздолбай с вечно торчащими в разные стороны волосами — опаздывал всегда и везде: в школу, в шахматный кружок, на встречи, на линейки, на субботники. «Он, наверное, и родился с опозданием», — любила ворчать их классная руководительница, каждый раз оглядывая класс после звонка. И при всём этом Иван оставался круглым отличником. Учёба давалась ему так легко, будто была не тяжёлой повинностью, а удачной игрой, правилами которой он понял раньше остальных. Сергей ему даже завидовал. Сам он брал упорством: зубрил формулы до ночи, выучивал термины, просиживал над учебниками часами. Экзамены он вытянул не талантом, а терпением.

Но школа осталась позади. Впереди были вступительные и короткое лето — то странное, зыбкое время, когда человек уже не мальчишка, но ещё и не взрослый. Сергей собирался, продолжая семейную традицию, поступать в медицинский. Иван — на юрфак.

— Юрист в этой стране без куска хлеба не останется, — любил повторять его отец.

Какими именно делами тот занимался, Сергей не знал и никогда особенно не интересовался. Но дом у них был хороший, машину отец менял раз в пару лет, а отдыхать семья ездила к морю. Для начала двухтысячных — времени мутного, шаткого, полного наспех нажитого благополучия и внезапной бедности — этого было вполне достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов.

Наконец Ванёк появился на горизонте: выцветшая футболка с «Нирваной», джинсовые бриджи, кеды.

— Здорово, Сень! — он широко улыбнулся и звонко хлопнул по протянутой ладони. — Давно тут?

— Да нет. Минут двадцать буквально. О, вон и наш автобус.

Жёлтый автобус, поскрипывая и чихая дымом, подкатил к остановке и распахнул двери, предлагая войти редким пассажирам и выйти тем, кто не доехал дальше. Внутри пахло бензином, машинным маслом и летней духотой. Поэтому Сергей с Иваном сразу уселись под открытой форточкой и с удовольствием подставили лица ветру, который начал залетать в салон, едва автобус набрал ход.

За окном лениво тёк город, распластавшийся в послеобеденной жаре. Автобус гудел и покачивался, словно и сам засыпал на ходу.

Сначала проплыли спальные микрорайоны — одинаковые дома, разогретый асфальт, редкие прохожие, будто вырезанные из картона и не вполне настоящие. Потом — центр: облупленные фасады, колонны, блеклые вывески, экскурсовод с флажком, уставший не меньше своей разношёрстной группы. Туристы вяло обмахивались газетами и яркими веерами, купленными, должно быть, в одной из сувенирных лавочек неподалёку.

Потом начался частный сектор. Огороды, сараи, тени деревьев на узких улицах. И дед — всё тот же, на своей привычной скамейке у покосившегося забора. Сергей помнил его столько же, сколько помнил себя: ещё с тех времён, когда мать возила его зимой к бабушке на санках. Дед медленно прикуривал, чиркая спичкой узловатыми, скрюченными артритом пальцами. Менялись только рубашки да куртки — по погоде.

Автобус выбрался за город, и с дамбы открылся вид на реку и на сам город, раскинувшийся вдоль воды, как игрушечный. Церкви с позеленевшими куполами, парк, набережная в тени вековых дубов. Говорили, будто дубы эти сажали ещё при Екатерине. Вряд ли это была

правда, но звучало красиво, а в маленьких городах красивые неправды приживаются крепче фактов.

Через несколько остановок — конечная. И будто кто-то убавил звук. Воздух здесь был мягче, в нём пахло хвоей, гравий шуршал под ногами, а тишина после городского гула казалась почти осязаемой.

Может, дело было в сосновом бору. Может — в деревянных домах, в улицах без асфальта, в самой близости воды. Но здесь действительно дышалось легче. И на душе становилось как-то просторнее.

— Сень, а ты не в курсе, с кем Машка должна прийти? Она вроде говорила, что не одна.

— С какой-то давней подругой детства. Я не расспрашивал. — Сергей пожал плечами и потянулся за сигаретами, на всякий случай оглядевшись.

Когда живёшь в небольшом городе, а оба твоих родителя работают в больнице, шанс быть застуканным с сигаретой неприятно высок. Но вокруг, кажется, никого знакомого не было, и он, прикурив, двинулся вместе с Иваном к реке, где их уже должен был ждать Антон.

Эти места нравились их компании именно тем, что людей здесь бывало немного. Не то что на городском пляже, где летом яблоку упасть было негде. Здесь же была лишь узкая полоска песка под крутым берегом, а наверху — полянка, на которой можно было спокойно сидеть. Захочешь — спустишься к воде, не захочешь — останешься у костра. Простое счастье.

— Здорова, выпускники! — крикнул Антон ещё издали.

Он уже успел приложиться к пиву и теперь возился с ветками для костра. Пожал каждому руку, хлопнул по спине.

— Ну что? Поздравляю, что ли.

Антон был старше их на два года и учился в сельскохозяйственной академии. Несмотря на жару, он был в плавках и клетчатой рубашке с длинным рукавом. Псориаз. Он ужасно стеснялся алых шелушащихся пятен на руках и груди, которые временами трескались до крови. Говорил, что всё от нервов. Возможно, так и было. Когда ему было тринадцать, родители погибли в автокатастрофе, и с тех пор его растила бабушка. Углядеть за ним она не могла, и Антон рано познакомился с алкоголем и сигаретами — слишком рано даже по меркам двора, где выросли вообще не спрашивая разрешения.

Год назад он влился в их компанию и почти сразу напоил Ивана до состояния, которое сам Ваня потом называл исключительно «позором и падением цивилизации». Тогда Сергею пришлось тащить его домой, посадить в подъезде на ступеньку, позвонить в дверь и быстро сбежать. После этого Ивана на несколько недель посадили под домашний арест: школа — дом, дом — школа.

— Пивко будете? — Антон протянул початую бутылку «Ярпива».

В кустах возле пакетов Сергей заметил ещё две — уже пустые.

— С удовольствием! — Иван взял бутылку, сделал несколько жадных глотков и блаженно протянул: — Ох, красота-а-а! Ну что, давайте с костром разберёмся, пока девчонки не подошли.

— Девчонки? — Антон, уже начавший было расстёгивать рубашку, тут же застегнул её обратно. — Машка, а ещё кто?

— Не знаю. Какая-то подруга детства, — повторил Сергей и снова пожал плечами.

Костёр уже разгорался, когда издали послышался залиvistый Машкин смех. Сергей поймал себя на мысли, что чем ниже ростом человек, тем звонче у него голос. В их классе, например, громче всех был слышен Андрей — шуплый коротышка, которого за глаза называли Андреем-полторашкой. Машка была той же породы: маленькая, рыжая, с серо-зелёными глазами и голосом-колокольчиком, который прорезал летний воздух так, будто хотел достать до другого берега.

Однажды она призналась Сергею, что до безумия влюблена в Ивана. Впрочем, это и без признаний было понятно всем. Стоило Ване оказаться рядом, как Машка начинала жеманничать, смеяться чуть громче обычного, прижиматься к нему плечом и выдумывать поводы взять под руку. Иван принимал всё это благосклонно и нередко провожал её домой. Что происходило потом на лавочке у подъезда, под вечно разбитым фонарём, Сергей мог только догадываться.

— Всем приве-е-еты! — Машкин голос прозвучал уже совсем рядом.

Ребята обернулись.

Маша действительно была не одна. Рядом с ней стояла брюнетка с карими глазами — слегка полноватая, но эта мягкая полнота не портила её, а, наоборот, добавляла какой-то спокойной женственности. Синий сарафан подчёркивал фигуру. Девушка улыбалась немного застенчиво, будто ещё не решила, нравится ли ей вся эта шумная компания.

— Так! — Маша, как всегда, взяла всё на себя. — Это Серёжа, Антон и Ваня.

Каждого из них она быстро чмокнула в щёку, привстав на носочки.

— А это Юля! Мы с ней соседи по подъезду. Вместе в садик ходили и до пятого класса учились. А потом она переехала. А теперь вернулась.

Юля всё так же чуть смущённо улыбнулась и пожала каждому руку.

И в ту секунду, когда её ладонь легла в его ладонь, Сергей вдруг отчётливо почувствовал тепло её кожи и мягкость пальцев. Совсем лёгкое прикосновение — ничего особенного. Но внутри него что-то толкнулось, словно в грудь мягко ударили кулаком изнутри. И по спине побежали мурашки.

— Так, ну что? — Маша уже копалась в пакете. — Я сосисок принесла! Надо жарить. Вот!

Она торжественно вручила пакет Антону.

— Я надеюсь, вы купили не только пиво? Сок? А-а-а, персиковый! Обожаю. Мой любимый! Спасибо!

Она радостно обняла Ивана и чмокнула его, хотя к покупке он не имел ровным счётом никакого отношения: всё тащил Антон. Тот заметил Сергеев взгляд и незаметно подмигнул.

Когда от костра остались хорошие жаркие угли и Антон принялся нанизывать сосиски на тонкие ивовые прутья, Сергей решил искупаться. Он снял футболку и бриджи, оставшись в семейных трусах, и начал осторожно спускаться к воде, когда его окликнули.

— Серёж!

Он обернулся. Это была Юля.

— Подожди меня. Я тоже хочу искупаться. Я быстро. Только переоденусь.

Через несколько минут она вернулась — в синем слитном купальнике — и стала осторожно спускаться по тропинке. Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Сергей поднялся ей навстречу и подал руку. Она оперлась на неё без слов, легко, доверчиво. И он снова отметил тепло её ладони.

Вода была тёплая, почти парная. Сергей с удовольствием нырнул, отплыл на несколько метров, вынырнул, отплёвываясь, и поплыл дальше, к середине. Обернувшись, увидел Юлю: она лежала на спине у берега и тихо покачивалась на волнах, глядя в небо.

— Серёж! — окликнула она, перевернувшись в воде. — Можно тебя попросить?

— Да?

— Подплыви, пожалуйста.

Он подплыл ближе.

— Ты же куришь?

— Ну...

— Угости сигаретой.

— Юль, тебе они не понравятся. Это не «Бонд» и не «Эл-энд-Эм» - «Балканская звезда», мягкая пачка...

Отец Сергея курил много. Сам Сергей начал покуривать ещё в седьмом классе, потихоньку таская сигареты из его пачки. Зарплата врача не позволяла баловаться дорогими марками, но это всё равно было лучше «Примы», после которой на пальцах оставался жёлтый налёт, в рот летели крошки табака, а запах стоял такой, будто кто-то из злой шутки поджёг силосную яму.

— Ничего страшного, — улыбнулась Юля. — После папиных сигарет мне уже ничего не страшно.

Сергей вышел на берег.

— Ванёк! Ваня-я-я!

— Ну? — над обрывом показалась Иванова голова, а рядом — Машка в бирюзовом раздельном купальнике.

— Будь другом, кинь шорты!

— Ща.

Через минуту серые бриджи шлёпнулись на песок, звякнув ключами в кармане.

— Держи, — Сергей протянул Юле сигарету.

— Тихо ты, — шепнула она. — А то Машка заметит. Не хочу, чтобы она знала. Давай сядем как-нибудь.

Они устроились под обрывом, у ивы, на большом камне, спиной друг к другу — так, чтобы Сергей видел тропинку к воде и в случае чего мог предупредить. Над ними нависали ветви, образуя подобие зелёного шалаша. Юля неловко чиркнула спичкой — та сломалась. Вторая вспыхнула и сразу погасла. Сергей взял коробок, прикурил, передал сигарету ей, затем закурил сам и глубоко затянулся, чувствуя, как никотин мягко и знакомо бьёт в голову.

— Спасибо...

— Ну, «на здоровье» говорить не буду, — усмехнулся он, проводя пятернёй по волосам.

Юля тихо хихикнула.

Потом, устраиваясь удобнее, прислонилась к нему спиной, и Сергей опять покрылся мурашками, чувствуя сквозь мокрую ткань её тепло. Молчание становилось всё гуще, всё невыносимее.

— Юль... А ты где жила, когда переехала?

— В Ярославле.

— И как тебе там?

— Большой город. Всё время что-то происходит. Мне нравилось.

— А почему вернулись?

Юля помолчала. Потом глубоко затянулась и медленно выпустила дым.

— Из-за папы. Мы, вообще-то, туда из-за него и уехали. Ему на заводе хорошую должность предложили, жильё дали. Несколько лет всё было хорошо. Мама работала в школе — русский, литература. Папа на заводе. А я ходила в кружок рукоделия, кукол шила... — Она запнулась. — А потом он начал пить. Сначала по пятницам, потом с пятницы по воскресенье, потом уже почти каждый день. Приходил пьяный, иногда мы с мамой его с лавочки забирали. Потом его уволили. А квартира была заводская. Нас попросили съехать. Вот и вернулись.

Она затушила сигарету о воду.

— Вот такие дела.

— Сочувствую, — тихо сказал Сергей.

— А сейчас как он? — спросил он спустя паузу.

— Долго ли алкоголику найти друзей? Всё так же пьёт.

Сергей хотел что-то сказать, подобрать какие-то правильные слова, но Юля сама поставила точку:

— Пойдём наверх. Сосиски, наверное, уже готовы. Если их ещё не съели.

Она протянула руку, и они начали карабкаться по тропинке вдоль обрыва.

Наверху гулянье шло полным ходом. Антон, уже заметно пьяный, рассказывал пошлые анекдоты. Маша, с лицом красным то ли от смеха, то ли от выпитого, хохотала во весь голос, повиснув на руке Ивана. Тот сидел с видом человека, которого всё это немного забавляет и совсем не тяготит.

Увидев Сергея с Юлей, Маша шагнула к ним, раскинув руки:

— А во-о-от и голубки наши! — и пьяно расхохоталась. — И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!

— Дурында, — беззлобно бросила Юля, покраснев. — Мы просто купались. Мы же сюда купаться приехали?

— Да-да! — не унималась Маша. — А то я не видела, как вы под ивой уединились!

Иван украдкой показал Сергею большой палец. Сергей в ответ только мотнул головой.

Солнце уже клонилось к закату. Антон, совершенно забыв про свой псориаз, лежал без рубашки на спине и курил, глядя в небо. Маша всё-таки искупалась и, слегка протрезвев, больше не висела на Иване, а просто сидела рядом у догорающего костра. Сергей и Юля устроились чуть поодаль на бревне.

— А вы понимаете, что школы уже всё? — вдруг сказал Иван, обведя всех взглядом. — Не будет больше звонков, классных часов, дискотек. Вернее, будет, но уже не наших. Мы все разъедемся. И вряд ли будем вот так часто видаться.

— Вот-вот! Поэтому давайте отрываться, как в последний раз! — подал голос Антон и, икнув, громко рыгнул.

Маша сморщила нос.

— А кто куда поступает? — спросила Юля.

— Я в музыкальное, на вокал, в Ярославль, — сказала она.

— Я в мед, — ответил Сергей. — Пока до конца не решил со специальностью, но думаю о хирургии или травматологии. Тоже в Ярославль. Москву не потяну.

— Я — в пед, в наш, местный, — сказала Маша, взъерошив мокрые волосы. — На учителя начальных классов. А там посмотрим. Может, потом на филфак переведусь.

Сергей невольно улыбнулся, представив её среди первоклашек. С её ростом и фигуркой её саму там могли бы принять за школьницу.

— А у меня всё вроде уже решено, — почти извиняясь, сказал Иван. — В Москву, на юридический. Отец обещал оплатить учёбу, если дурака валять не буду.

— А вы знали, что коровам иногда дырку в боку делают, чтобы газы выпускать? — вдруг оживился Антон. — Я на практике видел. Пробку открываешь — и такая во-о-онь...

— Антон, ну перестань, — простионала Маша. — Ну противно же!

Антон только заржал.

— Может, домой пойдём? — предложила Маша. — Скоро последний автобус. Пешком через весь город мне не хочется.

Антону пришлось вести под руки Сергею и Ивану. Ноги у него заплетались, рубашка была застёгнута невпопад. По дороге останавливались дважды: один раз — потому что ему приспичило по-маленькому, второй — потому что его вырвало.

— Это его с пива так? — удивился Сергей.

— Да какое там пиво, — буркнул Иван. — Пиво, бутылка красного и ещё какие-то коктейли. Накидался, как свинья.

— Надо бы ему завязывать.

— Надо бы.

Хорошо было только одно: жил Антон недалеко. Доведя его до дома, ребята быстрым шагом пошли на остановку. На автобус они успевали.

— Ва-а-ань! А ты проводишь меня? — Маша посмотрела на него снизу вверх своими преданными глазами.

— Провожу. Почему нет?

— Супер! А Серёжа тогда Юлю. — И, перехватив взгляд подружки, повторила уже с нажимом: — Серёжа провожает Юлю.

Когда они вышли на остановке в центре, откуда всем нужно было расходиться в разные стороны, солнце уже почти село. Закат играл на куполе собора, отражался в воде, ложился золотом на Волгу.

— Ну всё, всех была рада видеть! Надеюсь, не в последний раз! — Машка звонко чмокнула Юлю в щёку, обняла Сергея и, подхватив Ивана под руку, почти потащила его вниз по улице, где фонари после включения горели то через один, то через пять.

— А я её помню тихоней, — улыбнулась Юля и протянула Сергею руку. — И что с ней стало теперь?

Сергей только пожал плечами и взял её ладонь в свою.

И вдруг понял, что на душе у него так хорошо, как не было уже очень давно.

Они пошли по набережной. Где-то вдалеке слышался смех, где-то — пьяная ругань. Тёплый ветер тянул с реки.

— Серёж, а почему именно медицинский? — спросила Юля, глядя на него снизу вверх. — Ты настолько любишь людей?

Сергей даже задумался. Раньше он так на свой выбор не смотрел.

— Да вряд ли, — честно ответил он. — Просто дед у меня был рентгенологом, папа хирург, мама терапевт. У всех первой книгой был букварь, а у меня — анатомический атлас. Я не могу себя представить ни юристом, как Ванька, ни финансистом, ни автослесарем. Понимаю, что врачам платят копейки, но, может, потом станет лучше. А теперь вот благодаря тебе буду думать, что сильно люблю людей.

Юля улыбнулась.

— А ты почему на вокал?

Она помолчала.

— На самом деле я хочу поступить туда просто чтобы уехать из дома. У меня уже нет сил. Может, это и неправильно, но если папа умрёт, нам с мамой станет легче.

Она опустила глаза.

Сергей, сам не ожидая от себя такого, обнял её.

— Всё будет хорошо, — сказал он. — Я узнавал.

— Правда? — Она подняла глаза, и он опять почувствовал, как тонет в их глубине.

— Честно-честно.

— Спасибо. Ты очень хороший. А вот мы и пришли.

Некоторые окна двухэтажного дома в конце дубовой аллеи ещё светились. Такие дома, старые, купеческие или когда-то принадлежавшие зажиточным крестьянам, после революции обычно делили на квартиры — и теперь в них жила сразу целая человеческая россыпь.

В окне первого этажа растрёпанный мужчина в майке-алкоголичке спал, уронив голову на стол. Рядом стояла пустая бутылка и переполненная окурками пепельница. Юля проследила Сергеев взгляд.

— Знакомься. Мой папа. Отдыхает.

Она тяжело вздохнула.

— Юль, а проблем не будет, что поздно пришла?

— Проблемы будут завтра, когда он станет искать, чем похмелиться. Если, конечно, у него что-то не осталось с вечера. А так — всё будет хорошо. Не переживай. Спасибо, что проводил.

Она встала на носочки и чмокнула его в щёку.

И Сергей в который раз за этот день ощутил ту самую внутреннюю теплоту, от которой становилось легко и немного страшно.

— Всегда пожалуйста. Мы ещё увидимся?

— Обязательно. Рада была познакомиться. Пока-пока.

Она махнула рукой, вошла в тёмный подъезд и скрылась за скрипнувшей деревянной дверью.

Этой ночью Сергей долго не мог уснуть. Ворочался с боку на бок. Последний раз такое с ним было только накануне выпускных экзаменов. Наконец он тихо вышел на балкон и закурил.

Над городом висели звёзды. Дым сразу уносило ветром — к счастью, не в сторону родительской спальни.

И тогда он понял, что счастлив.

Глава 2

День города в провинции начала двухтысячных был зрелищем одновременно жалким, трогательным и почему-то очень настоящим. Праздник заранее подгоняли под выходной, и уже с обеда на набережной, в скверах и у площади начинало сгущаться оживление. Молодёжь стекалась ближе к центру, народ постарше занимал лавочки во дворах, милиция лениво патрулировала улицы и делала вид, что не замечает выпивающих: на всех всё равно не хватило бы ни протоколов, ни мест в отделении. Те, кто терпеть не мог грохот колонок и липкое праздничное веселье, уезжали на дачи. У кого дач не было — просто выбирались за город, к воде, в лес, куда угодно, лишь бы подальше от площади. Но большинство всё равно шло туда, где играла музыка, жарился шашлык, крутились дети на облезлых каруселях и продавали сладкую вату, пахнущую нагретым сахаром и пылью. Поговаривали, что в этом году на финале выступят «Краски». Впрочем, в прошлом году с не меньшей уверенностью обещали Киркорова, а в итоге под фонограмму шевелил губами Лёнька — долговязый помощник киномеханика из местного ДК, переодетый в блестящий пиджак и не слишком удачный парик. И всё равно народ был доволен. В маленьких городах умение радоваться недоразумению — не недостаток, а почти форма выживания. К вечеру гулянье только набирало силу. Жара спадала, спиртное переставало валить с ног с первой бутылки, открывалась сцена, начиналась самодеятельность, конкурсы, песни, дешёвые призы. И вся эта пёстрая, слегка помятая, шумная толпа казалась самой собой куда больше, чем в будний день. Маша стояла перед зеркалом в своей комнате — в футболке с «Spice Girls» и потёртых на бёдрах джинсах — и сосредоточенно красила ресницы. — Ну что ты думаешь насчёт Сени? Признавайся. — Она подмигнула собственному отражению, а потом бросила взгляд на Юлю. Та сидела с чашкой чая и ждала, пока подруга наконец закончит свои сборы. — Мань, ну хватит, — сказала она, стараясь звучать ровно. — Ты вечно всех пытаешься с кем-нибудь свести. Хороший он парень. Что ещё сказать? — Вот и хватай, пока не разобрали! — Маша критически осмотрела себя в зеркале. — Или всё-таки платье надеть?.. — Пошли уже. Маша подошла к окну, отдернула занавеску и крикнула вниз: — Серё-ёж! Вань! Мы почти всё! Уже идём! Внизу Иван показал большой палец. Это «почти всё» длилось ещё минут сорок, и даже для Вани, человека, хронически опаздывающего на всё на свете, срок был уже чрезмерный. Сергей сидел на лавочке, курил, пряча сигарету в кулак, и терпеливо ждал. Наконец девушки вышли. — Всем приветы! Ну что, идём? — Маша, как всегда, не дожидаясь ответа, тут же взяла Ивана за руку. — Антоха, наверное, уже крепко поддал, пока нас ждёт, — сказал Ваня без особого осуждения. Но Сергей заметил, как при этих словах едва заметно поморщилась Юля. За то время, что они уже несколько раз гуляли той же компанией, он успел понять: любые разговоры об алкоголе отзывались в ней неприятным внутренним напряжением. И это было неудивительно. Имела право. Они двинулись по набережной к центру, разбившись на привычные пары. Иван с Машей чуть впереди, Сергей с Юлей — следом. Маленький город был хорош и плох одновременно одним и тем же: ты многих знаешь, и многие знают тебя. Пока пройдёшь пару километров, непременно раз десять поздороваешься, а то и остановишься перекинуться словом-другим. Чем ближе подходили к площади, тем гуще становился людской поток, тем громче слышалась музыка. Со сцены местная группа играла кавер-версию песни «Молодые ветра». С вокалистом этой группы носящей названия "Мистерия", насколько Сергей знал со слов Ивана, тот был шапочно знаком. — Хочешь, познакомлю? — спросил Ваня Машу, кивнув в сторону сцены. — Он, кстати, уверен, что его хочет половина девушек города. А в некоторых случаях ещё и мамы этих девушек. — Да ну его, — фыркнула Маша. — Буду я ещё слушать сутками, какой он великий артист. Юля тихо усмехнулась. — Так, а где нам искать Антона? — спросила она. — У памятника Ленину договорились, — ответил Сергей. — Если, конечно, его самого куда-нибудь не унесло. Они

влились в толпу на центральной площади. Шашлычный дым стлался в тёплом воздухе, дети носились между взрослыми, подвыпившие мужики громко спорили о чём-то несущественном, из палаток доносились запахи жареного мяса, пива, сладкой ваты и дешёвого парфюма. Сергей взял Юлю за руку и повёл сквозь этот шумный человеческий поток. Позади двигался Иван, которого крепко держала под локоть Маша, счастливая от самого факта этого прикосновения. Антон действительно ждал их у памятника. Сидел на лавочке, пил пиво, рядом шуршал раскрытый пакет сухариков. — Здорово! — крикнул он ещё издали. — Вы где столько времени были? Пока вас ждал, такого насмотрелся... И, не дожидаясь, пока они подойдут ближе, сразу начал рассказывать. О том, как неподалёку сцепились какие-то девчонки, таскали друг друга за волосы, потом ввязались их парни, а за ними — ещё двое, и в итоге дело кончилось кровью, милицией и «скорой». Он махнул рукой в сторону лавочки, возле которой на брусчатке ещё темнели пятна. — Ой, мамочки, — выдохнула Маша, прикрыв рот ладонью. — Сильно его? — Да жить будет, — отмахнулся Антон. — Нос, может, сломали. Ну и пару зубов выбили. — Беспредел, — мрачно сказал Иван. — Трое на одного. — Ладно, — перебил Сергей, не желая застревать на этой теме. — Давайте лучше решать, что дальше. — Мне надо в магазин, — сообщил Антон, демонстрируя бутылку, в которой оставалось на доньшке. — От пива только ссать бегать. Я бы винишка взял. — Маш, тебе сок? Или ещё что-нибудь? — спросил Иван. — Сок! И чипсы! — Юль? Серёг? Сергей вопросительно посмотрел на Юлю. Та отрицательно покачала головой. — Идите, — сказал он. — А мы пока к сценеходим. Хоть послушаем, как там твой гений поёт. — Да какой он мне гений, — буркнул Ваня, и троица растворилась в толпе. К сцене протиснуться оказалось непросто. Танцующие компании, подвыпившие подростки, чьи-то локти, чужие плечи, липкая духота человеческой массы. Несколько раз Сергей слышал себе вслед не самые дружелюбные слова, но только крепче сжал Юлину ладонь и продолжал пробиваться вперёд. Наконец они добрались до железного ограждения. Сергей пропустил Юлю ближе к сцене, встал за ней. В этот момент группа заиграла кавер на «Cant Stop» Red Hot Chili Peppers. Даже неподготовленному уху было слышно, что играют они так себе: где-то мимо нот, где-то не вместе, где-то гитара лезет вперёд. Но в этом была своя отчаянная энергия, провинциальная наглость и молодость, которая прощает почти всё. Толпа задвигалась в такт, и Сергея прижало к Юле. Она улыбалась, качалась под музыку, потом вдруг взяла его руки и положила себе на живот, накрыв сверху своими ладонями. Обернулась к нему, глаза блестя. — Круто же! Правда? — крикнула она, перекрывая музыку. Сергей наклонился к самому её уху. Его щекокнули её волосы, и от них пахло шампунем, теплом и чем-то едва сладким. — Да, класс! Я бы даже на их концерт в ДК сходил. — Значит, ходим! — рассмеялась Юля. На сцене песня закончилась. Вокалист, вытирая лоб, шагнул к микрофону. — Дамы и господа! Уважаемые жители города! Поздравляю вас с праздником! И в завершение нашей программы хотелось бы исполнить особую песню. Надеюсь, вы её любите так же, как и я. «Танцы Минус» — «Половинка»! Бас-гитарист взял вступление. Юля повернулась к Сергею лицом и положила руки ему на плечи. Он обнял её за талию. Они начали медленно двигаться в ритме, тесно, неуклюже, как танцуют не потому, что умеют, а потому, что иначе уже невозможно. К последнему куплету она прижалась к нему грудью, не отводя взгляда. И в этом взгляде было столько тёплой тишины, что у Сергея на миг выключились все мысли. Он сам не понял, кто из них первым подался вперёд. Их губы встретились. Юля не отстранилась. Наоборот — только крепче прижалась к нему. Песня закончилась. Она сделала шаг назад. У Сергея кружилась голова. Внутри было странно пусто и светло — как бывает, когда что-то слишком долгое и неясное вдруг становится простым и очевидным. — Да вот же они! — радостно прозвенел Машкин голос. Сергей и Юля обернулись. К ним пробирались остальные. Иван нёс пакет, Антон уже тянул из горлышка красное вино. — Мы вас по всей площади ищем! — возмутилась Маша. — Пойдёмте хоть сядем где-нибудь. Выбравшись из толпы, они направились к парку. Сергей чуть отстал, завязывая шнурок, и рядом тут же возник Иван. — Мне показалось, или там был amoug? —

шепнул он с ухмылкой. — Да, — ответил Сергей, не поднимая головы, но даже по голосу было слышно, что он улыбается. — Красава. Машка мне уже все уши прожужжала. — Но ты же понимаешь, что ей об этом знать не обязательно? Юля захочет — сама расскажет. — Ясное дело, — кивнул Ваня. — Если Машка узнает, что вы целовались, она от радости меня точно изнасилует. Сергей приснул от смеха. На секунду всё снова стало простым и обыденным. В парке они устроились на лавочке, частично скрытой кустами сирени. Здесь было темнее, прохладнее, и шум площади доносился уже приглушённо, будто издалека. Антон окончательно разошёлся. Вино сделало его не в меру разговорчивым. Он пил, ходил взад-вперёд перед лавкой и рассказывал какую-то историю о девчонке, приехавшей из Москвы к родственникам, о том, как позвал её домой, как та уснула, а к калитке потом пришёл какой-то здоровенный мужик искать Катю, и как Антон, будучи в одних трусах и в мертвецки пьяном виде, крикнул: «Джек! Ко мне!» — надеясь испугать незваного гостя собакой. — А у него, оказывается, боязнь собак, — хохотал Антон, вытирая слёзы. — А Джек-то — это бабкина болонка! Старая, еле живая! Юля наклонилась к Сергею и шёпотом спросила: — А в чём прикол? — Будка осталась от старой овчарки, — тихо пояснил он. — А болонка размером с тапок. Юля слушала, положив голову ему на плечо, а он осторожно приобнял её за талию и украдкой поцеловал в макушку. Она улыбнулась, не поднимая глаз. И в этот самый момент из темноты, от соседней лавочки, которую закрывали кусты, донёсся грубый окрик: — Э! Заебал орать! Завали ебальник! Антон резко развернулся. — Чё ты сказал? Иди сюда, на! Он качнулся в сторону голоса. Сергей и Иван вскочили почти одновременно. Из темноты вышли четыре фигуры. — Кто там что вякнул, а? — Антон, несмотря на своё состояние, явно был готов к драке. — Так, мужики, погодите, — быстро сказал Ваня, встав перед ним. — Друг перебрал. Сам не понимает, что несёт. — В смысле не понимаю? — взвился Антон. — Я шас всем хлебало... Договорить он не успел. Из-за чужих спин вдруг выскочила худенькая девушка на каблуках и вцепилась в самого рослого парня. — Саш, ну не надо! — почти взмолилась она. — Он же и младше, и меньше. Ты обещал больше не драться. Сань, если что — ты же снова сядешь, не условно уже. Пойдём домой, пожалуйста. Пойдёмте все. Самый высокий зло сплюнул, но остановился. А Антон, совершенно не улавливая границы, всё ещё порывался вперёд. — Да и мы... пойте... Ваня развернулся и отвесил ему две быстрые звонкие оплеухи. Антон плюхнулся на задницу и снизу вверх уставился на него мутным взглядом. — Ванёк, ты чего?.. — Тоха, ещё раз рот откроешь — лично тебя закопаю, понял? — тихо и зло сказал Иван, наклонившись к нему. — Нас тут сейчас из-за тебя всех переломают. Потом выпрямился и уже нормальным голосом бросил тем, из темноты: — Извините. Перебрал человек. Те что-то пробурчали и двинулись прочь по аллее. Антон, сопя и покачиваясь, поднялся. — Ну и пошли вы все... — пробормотал он, высморкался прямо на асфальт и нетвёрдой походкой зашагал в сторону моста через ручей. На лавочке повисло тяжёлое молчание. — Трындец, — первой сказала Маша. — Вань, ну, может, не стоило так? А если бы ты его вырубил? — И правильно бы сделал, — жёстко ответил Иван. — Или мы бы стояли и смотрели, как это делают другие. — Может, странный вопрос, — осторожно подала голос Юля, — но вам правда нравится с ним общаться? Я не в обиду, просто... — Понимаешь, Юль, — Ваня устало провёл ладонью по лицу, — он вообще парень неплохой. Весёлый. Но в последнее время слишком часто стал к бутылке прикладываться. Начнётся учёба — может, одумается. Мы с Серёгой поговорим с ним. — Надо бы, — тихо согласился Сергей. И тут его взгляд дёрнулся куда-то в сторону моста. — А это что за чёрт?.. Антон стоял на перилах. Пояс голый, шатаясь, раскинув руки, как канатоходец. В толпе у моста уже начали останавливаться люди. — Твою мать! — Иван сорвался с места первым. Остальные побежали за ним. — Антоха! Слезай! Хватит чудить! — крикнул Сергей. — А пошли вы все! — гаркнул тот сверху. — Я живу как хочу! И делаю что хочу! Я сейчас выше вас всех! Он поднял руку с бутылкой, засмеялся — и в ту же секунду нога его соскользнула. Он замахал руками, будто собирался взлететь, и рухнул вниз. — Блядь! — вырвалось у Сергея. Он первым подбежал к перилам. Ру-

чей внизу был неглубокий — по щиколотку, не больше. Но высота была такая, что хватило с избытком. Антон лежал на спине, не двигаясь. Глаза закрыты. Вода от затылка медленно окрашивалась в красное. — Скорую! Вызовите скорую! — взвизгнула Маша. Следующие пятнадцать минут слились в один тугой, дрожащий комок. Люди суетились, кто-то кричал, кто-то лез с советами, кто-то просто глазел. Наконец приехала «скорая». Два угрюмых санитаров подняли Антона на носилки и погрузили в машину. Он был жив — бредил, то начинал смеяться, то хныкал, то снова проваливался в полузабытьё. — С ним всё будет в порядке? — спросила Маша, заглянув одному из санитаров в лицо. — Не знаю. Доктор посмотрит, — буркнул тот. — А вы ему кто? — Подруга. — Друзьям справок не дают. Только родне. Дверь захлопнулась. Машина скорой помощи, мигнув проблесковыми маячками, укатила прочь. И почти сразу над площадью загремел салют. Город продолжал праздновать. — Только бы обошлось... — тихо сказала Маша. — Ребят, я думаю, надо расходиться, — произнёс Сергей, глядя вслед машине. — Я провожу Юлю и зайду в больницу. Папа сегодня дежурит. Он будет знать, что с Антоном. — Позвони мне потом, — сразу сказала Маша. — И мне звякни, — добавил Иван. После салюта народ потянулся с площади сплошным шумным потоком, и Сергей даже обрадовался, что они ушли чуть раньше. Ещё не хватало теперь вляпаться в чей-нибудь пьяный конфликт. Они шли молча. Концовка вечера тяжело осела внутри обоих. Но через какое-то время Юля сама поймала его руку и переплела пальцы со своими. Сергей посмотрел на неё и слабо, но искренне улыбнулся. Домой к себе идти ей явно не хотелось. — Серёж... А можно я с тобой в больницу схожу? — А дома тебя не хватятся? — Мама у тётки ночует. До завтра. А этот... — она качнула головой в сторону темноты, где остался её дом, — либо ещё пьёт где-то, либо отсыпается. — Тогда идём. От Юлиного дома до больницы было недалеко. Два двора, одна арка, две сигареты, жвачка, чтобы перебить запах. Приёмный покой встретил их ярким светом, запахом дезинфекции и грязно-жёлтыми стенами. Дверь дежурного врача была приоткрыта. Отец Сергея — высокий, широкоплечий, лысый, с роскошной бородой, из-за которой мать любила шутить, что волосы «с макушки вниз убежали», — сидел за столом и что-то писал. — Пап? Он обернулся. — А ты чего пришёл?.. То есть пришли, — поправился он, увидев Юлю. — Пап, это Юля. Юль, это мой папа, Виктор Андреевич. Они поздоровались. — Пап, к вам часа назад Резникова Антона привезли. Худой такой, на цыганёнка похож, зуба переднего не хватает. — Есть такой, — кивнул Виктор Андреевич и вышел к ним в коридор. — Друг твой? — Да. Как он? — Жить будет. Череп цел, только зашивать пришлось. Ну и сотрясение. Недельку полежит, потом дома долечится. — Отец внимательно посмотрел на Сергея. — Ты бы друзей получше выбирал. Он же пьянее вина. — Пап, так вышло. — Вышло у них... Ладно, не переживай. Всё не так страшно. А праздники, между прочим, только начались. Ваш Антон у нас сегодня уже седьмой по счёту. Он пожал Сергею руку и кивнул Юле: — Рад был познакомиться. — И я очень рада. До свидания, — ответила она. Они вышли на улицу. Ночь стояла тёплая, августовская, с высоким небом и размытым молочным следом Млечного Пути над крышей больницы. Когда отошли подальше, к дворам, Сергей кивнул в сторону лавочки возле песочницы. — Пойдём покурим? — Пошли. В пачке оставалось ровно две сигареты. Он протянул одну Юле, прикрыл ладонями спичку от ветра. Она убрала волосы с лица и прикурила. — Да уж, — сказал Сергей, выпуская дым через нос. — Хорошее окончание дня. Юля молча смотрела себе под ноги. — Юль... — начал он после паузы. — Пойдём ко мне? Папа на дежурстве, мама на конференции. Домой тебе, как я понимаю, не очень хочется. Я лягу в гостиной, а тебе постелю в своей комнате. Юля посмотрела на него внимательно, потом вдруг улыбнулась. — Хорошо. Но с тебя чай перед сном и завтрак утром. — Договорились. До дома они добрались не сразу. По дороге то и дело встречались знакомые, и каждый второй уже что-то слышал о падении Антона. Причём с каждым новым рассказчиком подробности становились всё кровавее. На третьей версии, где у Антона якобы «череп раскрылся, и было видно мозги», Сергей не выдержал и рассмеялся. — Как можно увидеть то, чего нет? — спросил он. Дома он выдал Юле мамины тапочки,

провёл в гостиную, включил телевизор, а сам ушёл на кухню. Поставил чайник, насыпал в вазочку сушки и конфеты, выбрал две самые красивые чашки, положил в них чайные пакетики. Всё это почему-то казалось очень важным — будто от того, как именно он поставит чашки, зависело что-то большее, чем просто поздний чай.— Серёж, а можно я в душ? — спросила Юля, появившись в дверях. — Просто ополоснуться и голову помыть. Жарко сегодня было. — Конечно. Сейчас полотенце дам. И можешь любую мою футболку взять в шкафу. Мочалка синяя — моя. Мыло и шампунь там найдёшь.— Спасибо. Она легко чмокнула его в щёку, взяла серую футболку с нелепой надписью «Abidas» и ушла в ванную. Когда за дверью зашумела вода, Сергею немедленно полезли в голову картины, от которых в шортах стало тесновато. Он резко выдохнул и попытался занять себя чаем. Юля вышла как раз тогда, когда он стоял над чашками и думал, насколько горячий чай она любит. Он обернулся — и невольно хмыкнул. Его футболка на ней смотрелась как короткая ночнушка.— Прямо платье, — сказала Юля, будто угадав его мысль.— Ну да, — улыбнулся Сергей. — Давай чай пить. Я потом тоже в душ — и спать. День был... — Насыщенный, — закончила она за него. За чаем разговор шёл легко. Они говорили о будущем, о городах, о мечтах, будто вокруг не было ни пьяных скандалов, ни разбитых голов, ни хриплых сирен «скорой». Сергей рассказывал про медицинский, про то, каким врачом хочет стать. Юля говорила, что мечтает о крепкой семье и двух детях — обязательно мальчик и девочка. А ещё лучше — двойняшки. Когда Сергей заметил, что выносить и родить двойню не так просто, она только рассмеялась:— Справлюсь. Потом чай был выпит, чашки убраны. Сергей стоял под душем и вспоминал их поцелуй под музыку на площади, её руки, её тёплое тело, то, как она смеялась. Даже история с Антоном уже не могла полностью испортить это внутреннее светлое чувство. Убедившись, что Юля уже закрылась в его комнате, он вышел в одних трусах, бросил одежду на кресло у дивана и лёг под плед. Он уже почти уснул, когда услышал, как открылась дверь.— Серёж, ты спишь?— Не-а.— Я не могу уснуть. Новое место, наверное. Можно я лягу к тебе? У него мгновенно пересохло во рту.— Конечно. Юля подошла к дивану. Уличный фонарь бросал на неё мягкий, размытый свет. И в этом свете она, ни слова не говоря, стянула через голову его футболку. Под ней ничего не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.